

Сергей

★ КОЗЛОВ

ЁЖИК В ТУМАНЕ

Сергей Григорьевич Козлов

Ежик в тумане

Серия «Ежик в тумане», книга 1

Андрей Лазарьlib.ru

Ежик в тумане.: ОНИКС 21 век; Москва; 2003

ISBN 5-329-00853-0

Содержание

Ежик в тумане	4
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ	7
ЗВУКИ И ГОЛОСА	7
КОГДА ТЫ ПРЯЧЕШЬ СОЛНЦЕ, МНЕ ГРУСТНО	10
РАЗРЕШИТЕ С ВАМИ ПОСУМЕРНИЧАТЬ	13
КАК ОТТЕНИТЬ ТИШИНУ	16
В РОДНОМ ЛЕСУ	20
СОСНОВАЯ ШИШКА	23
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ	25
РАДУГА	28
ЕЖИКИНА ГОРА	32
ПТИЦА	34
ТЕПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ	37
ВОЛЬНЫЙ ОСЕННИЙ ВЕТЕР	37
МЫ БУДЕМ ПРИХОДИТЬ И ДЫШАТЬ	39
ЛИСИЧКА	42
НЕ СМОТРИ НА МЕНЯ ТАК, ЕЖИК	44
КАК ЕЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ	48
ПРИСНИЛИСЬ ЗАЙЦУ	
ВОРОН	52
ЕСЛИ МЕНЯ СОВСЕМ НЕТ	55
ТЕПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ	58

Сергей Козлов

Ежик в тумане

Ежик в тумане

Тридцать комариков выбежали на поляну и заиграли на своих писклявых скрипках.

Из-за туч вышла луна и, улыбаясь, поплыла по небу. «Ммм-у!..» – вздохнула корова за рекой. Залаяла собака, и сорок лунных зайцев побежали по дорожке.

Над рекой поднялся туман, и грустная белая лошадь утонула в нем по грудь, и теперь казалось – большая белая утка плывет в тумане и, отфыркиваясь, опускает в него голову.

Ежик сидел на горке под сосной и смотрел на освещенную лунным светом долину, затопленную туманом.

Красиво было так, что он время от времени вздрагивал: не снится ли ему все это?

А комарики не уставали играть на своих скрипочках, лунные зайцы плясали, а собака выла.

«Расскажу – не поверят!» – подумал Ежик, и стал смотреть еще внимательнее, чтобы запомнить до последней травинки всю красоту.

«Вот и звезда упала, – заметил он, – и трава наклони-

нились влево, и от елки осталась одна вершина, и теперь она плывет рядом с лошадью... А интересно, – думал Ежик, – если лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?»

И он стал медленно спускаться с горы, чтобы тоже попасть в туман и посмотреть, как там внутри.

– Вот, – сказал Ежик. – Ничего не видно. И даже лапы не видно. Лошадь!

– позвал он. Но лошадь ничего не сказала.

«Где же лошадь?» – подумал Ежик. И пополз прямо. Вокруг было глухо, темно и мокро, лишь высоко сверху сумрак слабо светился.

Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет, и он куда-то летит. Бултых!..

«Я в реке!» – сообразил Ежик, похолодев от страха. И стал бить лапами во все стороны.

Когда он вынырнула, было по-прежнему темно, и Ежик даже не знал, где берег.

«Пускай река сама несет меня!» – решил он.

Как мог, глубоко вздохнул, и его понесло вниз по течению.

Река шуршала камышами, бурлила на перекатах, и Ежик чувствовал, что совсем промок и скоро утонет.

Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

– Извините, – беззвучно сказал кто-то, кто вы и как сюда попали?

– Я – Ежик, – тоже беззвучно ответил Ежик. – Я упал

в реку.

– Тогда садитесь ко мне на спину, – беззвучно проговорил кто-то. – Я отвезу вас на берег.

Ежик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

– Спасибо! – вслух сказал он.

– Не за что! – беззвучно выговорил кто-то, кого Ежик даже не видел, и пропал в волнах.

«Вот так история... – размышлял Ежику, отряхиваясь. – Разве кто поверит?!»

И заковылял в тумане.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ

ЗВУКИ И ГОЛОСА

– В полудреме, Медвежонок, можно вообразить все, что хочешь, и все, что вообразишь, будет как живое. И тогда-то...

– Ну!

– Тогда-то...

– Да говори же!

– И тогда-то... слышны звуки и голоса. Ежик глядел на Медвежонка большими круглыми глазами, как будто сию минуту, вот прямо сейчас, догадался о чем-то самом важном.

– И кого ты слышал? – шепотом спросил Медвежонок.

– Сегодня?

– Ага.

– Зяблика, – сказал Ежик.

– А вчера?

– Лягушку.

– А что она сказала?..

– Она – пела. – И Ежик закрыл глаза.

– Ты ее и сейчас слышишь?

– Слышу, – сказал Ежик с закрытыми глазами.
– Давай я тоже закрою глаза. – Медвежонок закрыл глаза и встал поближе к Ежику, чтобы тоже слышать.
– Слышишь? – спросил Ежик.
– Нет, – сказал Медвежонок.
– Ты впади в дрему.
– Надо лечь, – сказал Медвежонок. И лег.
– А я – возле тебя. – Ежик сел рядом. Ты только представь: она сидит и поет.
– Представил.
– А вот сейчас... Слышишь? – И Ежик по-дирижерски взмахнул лапой. – Запела!
– Не слышу, – сказал Медвежонок. – Сидит, глаза вытаращила и молчит.
– Поговори с ней, – сказал Ежик. – Заинтересуй.
– Как?
– Скажи: «Мы с Ежиком из дальнего леса пришли на ваш концерт». Медвежонок пошевелил губами.
– Сказал.
– Ну?
– Молчит.
– погоди, – сказал Ежик. – Давай ты сядь, а я лягу. Та-ак. – И он забубнил что-то, укладываясь рядом с Медвежонок в траву.

А день разгорался, и высокая стройная осень шаталась соснами и кружилась полым листом.

Медвежонок давно открыл глаза и глядел теперь

на рыжие деревья, на ветер, который морщил лужу, а Ежик все бормотал и пришептывал, лежа рядом в траве.

– Послушай, Ежик, – сказал Медвежонок, – зачем нам эта лягушка, а?

Пойдем наберем грибков, зажарим! А я для тебя яблочко припас.

– Нет, – не открывая глаз, сказал Ежик. – Она запоет.

– Ну и запоет. Толку-то?

– Эх ты! – сказал Ежик. – Грибки! Яблочки!.. Если бы ты только знал, как это – звуки и голоса!

КОГДА ТЫ ПРЯЧЕШЬ СОЛНЦЕ, МНЕ ГРУСТНО

Над горой туман и розовато-оранжевые отсветы. Весь день лил дождь, потом перестал, выглянула солнце, зашло за гору, и вот теперь была такая гора.

Было очень красиво, так красиво, что Ежик с Медвежонком просто глядели и ничего не говорили друг другу.

А гора все время менялась: оранжевое переместилось влево, розовое – вправо, а голубое стало сизо-синим и осталось вверху.

Ежик с Медвежонком давно любили эту игру: закрывать глаза, а когда откроешь – все по-другому.

– Открывай скорей, – шепнул Ежик. – Очень здорово!

Теперь оранжевое растеклось узкой каймой по всей горе, а розовое и голубое пропало.

Туман был там, выше, а сама гора была будто опоясана оранжевой лентой.

Они снова закрыли глаза, и, когда через мгновение открыли, вновь все изменилось.

Оранжевое вспыхивало кое-где слева и справа, розовое вдруг появилось справа, розово-голубое исчезло, и гора вся стала такой темной, торжественной, что от нее просто нельзя было отвести глаз, Ежик с Медве-

жонком снова закрыли и открыли глаза: гора была покойной, туманной, с легким розоватым отсветом справа, но они не успели снова закрыть глаза, как этот отсвет пропал.

Туманная, очень красивая гора глядела на Ежика с Медвежонком.

И вдруг, или это Ежику с Медвежонком показалось, кто-то заговорил:

– Вам нравится на меня смотреть?

– Да, – сказал Ежик.

– А кто? Кто говорит? – шепотом спросил Медвежонок.

– Я красивая?

– Да, – сказал Ежик.

– А когда я вам больше нравлюсь – утром или вечером? Тут и Медвежонок понял, что это говорит гора.

– Мне – утром, – сказал Медвежонок.

– А почему?

– Тогда впереди целый день и...

– А тебе, Ежик?

– Когда ты прячешь солнце, мне грустно, – сказал Ежик. – Но я больше люблю смотреть на тебя вечером.

– А почему?

– Когда смотришь вечером, как будто стоишь там, на вершине, и далеко, далеко видно.

– Что же ты видел сегодня, Ежик? – спросила гора.

– Сегодня так пряталось солнце, а кто-то так не да-

вал ему уйти, что я ни о чем не думал, я только смотрел.

– А я... Мы... То откроем глаза, то закроем. Мы так играем, – сказал Медвежонок.

Быстро сгущались сумерки.

И когда почти совсем стемнело, иссиня-зеленое небо вдруг оторвалось от горы, а вся она стала резко видна, чернея на бледно-голубой полосе, отделяющей ее от темного неба.

РАЗРЕШИТЕ С ВАМИ ПОСУМЕРНИЧАТЬ

– Заяц просится посумерничать.

– Пускай сумерничает, – сказал Ежик и вынес на крыльцо еще одно плетеное кресло.

– Можно войти? – спросил Заяц. Он стоял под крыльцом, пока Медвежонок разговаривал с Ежиком.

– Входи, – сказал Ежик.

Заяц поднялся по ступенькам и аккуратно вытер лапы о половичок.

– Три-три! – сказал Медвежонок. – Ежик любит, чтобы было чисто.

– Можно сесть? – спросил Заяц.

– Садись, – сказал Медвежонок. И Ежик с Медвежонок тоже сели.

– А как мы будем сумерничать? – спросил Заяц.

Ежик промолчал.

– Сиди в сумерках и молчи, – сказал Медвежонок.

– А разговаривать можно? – спросил Заяц. Ежик опять промолчал.

– Говори, – сказал Медвежонок.

– Я в первый раз сумерничаю, – сказал Заяц, – поэтому не знаю правил. Вы не сердитесь на меня, ладно?

– Мы не сердимся, – сказал Ежик.

– Я как узнал, что вы сумерничаете, я стал прибегать к твоему, Ежик, дому и глядеть во-он из-под того куста. Во, думаю, как красиво они сумерничают! Вот бы и мне! И побежал домой, и стащил с чердака старое кресло, сел и сижу...

– И чего? – спросил Медвежонок.

– А ничего. Темно стало, – сказал Заяц. – Нет, думаю, это не просто так, это не просто сиди и жди. Что-то здесь есть. Попрошусь, думаю, посумерничать с Ежиком и Медвежонком. Вдруг пустят?

– Угу, – сказал Медвежонок.

– А мы уже сумерничаем? – спросил Заяц. Ежик глядел, как медленно опускаются сумерки, как заволакивает низинки туман, и почти не слушал Зайца.

– А можно, сумерничая, петь? – спросил Заяц. Ежик промолчал.

– Пой, – сказал Медвежонок.

– А что?

Никто ему не ответил.

– А можно веселое? Давайте я веселое спою, а то зябко как-то?

– Пой, – сказал Медвежонок.

– Ля-ля! Ля-ля! – завопил Заяц. И Ежику сделалось совсем грустно. Медвежонку было неловко перед Ежиком, что вот он притащил Зайца и Заяц мелет, не разбери чего, а теперь еще воет песню. Но Медвежонок

не знал, как быть, и поэтому завопил вместе с Зайцем.

– Ля-ля-лю-лю! – вопил Медвежонок.

– Ля-ля! Ля-ля! – пел Заяц. А сумерки сгущались, и Ежику просто больно было все это слышать.

– Давайте помолчим, – сказал Ежик. – Послушайте, как тихо!

Заяц с Медвежонком смолкли и прислушались. Над поляной, над лесом плыла осенняя тишина.

– А что, – шепотом спросил Заяц, – теперь делать?

– Шшш! – сказал Медвежонок.

– Это мы сумерничаем? – прошептал Заяц. Медвежонок кивнул.

– До темноты – молчать?..

Стало совсем темно, и над самыми верхушками елок показалась золотая долька луны.

От этого Ежику с Медвежонком вдруг стало на миг теплее. Они поглядели друг на друга, и каждый почувствовал в темноте, как они друг другу улыбнулись.

КАК ОТТЕНИТЬ ТИШИНУ

– Я очень люблю осенние пасмурные дни, – сказал Ежик. – Солнышко тускло светит, и так туманно– туманно...

– Спокойно, – сказал Медвежонок.

– Ага. Будто все остановилось и стоит.

– Где? – спросил Медвежонок.

– Нет, вообще. Стоит и не двигается.

– Кто?

– Ну, как ты не понимаешь? Никто.

– Никто стоит и не двигается?

– Ага. Никто не двигается.

– А комары? Вон как летают! Пи-и!.. Пи-и!.. – И Медвежонок замахал лапами, показал, как летит комар.

– Комары только еще больше, – тут Ежик остановился, чтобы подыскать слово, – о т т е н я ю т неподвижность, – наконец сказал он.

Медвежонок сел:

– Как это?

Они лежали на травке у обрыва над рекой и грелись на тусклом осеннем солнышке. За рекой, полыхая осинами, темнел лес.

– Ну вот смотри! – Ежик встал и побежал. – Видишь?

– Что?

– Как неподвижен лес?

– Нет, – сказал Медвежонок. – Я вижу, как ты бежишь.

– Ты не на меня смотри, на лес! – И Ежик побежал снова. – Ну?

– Значит, мне на тебя не смотреть?

– Не смотри.

– Хорошо, – сказал Медвежонок и отвернулся.

– Да зачем ты совсем-то отвернулся?

– Ты же сам сказал, чтобы я на тебя не смотрел.

– Нет, ты смотри, только на меня и на лес о д н о в р е м е н н о, понял? Я побегу, а он будет стоять. Я от т е н ю его неподвижность.

– Хорошо, – сказал Медвежонок. – Давай попробуем. – И уставился на Ежика во все глаза. – Беги! Ежик побежал.

– Быстрее! – сказал Медвежонок. Ежик побежал быстрее.

– Стой! – крикнул Медвежонок. – Давай начнем сначала.

– Почему?

– Да я никак не могу посмотреть на тебя и на лес одновременно: ты так смешно бежишь, Ежик!

– А ты смотри на меня и на лес, понимаешь? Я – побегу, лес – стоит. Я оттеняю его неподвижность.

– А ты не можешь бежать большими прыжками?

– Зачем?

– Попробуй.

– Что я – кенгуру?

– Да нет, но ты – ножками, ножками, и я не могу оторваться.

– Это не важно, как я бегу, понял? Важно то, что я бегу, а он – стоит.

– Хорошо, – сказал Медвежонок. – Беги!

Ежик побежал снова.

– Ну?

– Такими маленькими шажками не оттенишь, сказал Медвежонок. – Тут надо прыгать вот так! И он прыгнул, как настоящий кенгуру.

– Стой! – крикнул Ежик. – Слушай! Медвежонок замер.

– Слышишь, как тихо?

– Слышу.

– А если я крикну, то я криком о т т е н ю тишину.

– А-а-а!.. – закричал Медвежонок.

– Теперь понял?

– Ага! Надо кричать и кувыраться! А-а-а! – снова завопил Медвежонок и перекувырнулся через голову.

– Нет! – крикнул Ежик. – Надо бежать и подпрыгивать. Вот! – И заскакал по поляне.

– Нет! – крикнул Медвежонок. – Надо бежать, падать, вскакивать и лететь.

– Как это? – Ежик остановился.

– А вот так! – И Медвежонок сиганул с обрыва.

– И я! – крикнул Ежик и покатился с обрыва вслед за Медвежонок.

– Ля-ля-ля! – завопил Медвежонок, вскарабкиваясь обратно.

– У-лю-лю! – по-птичьему заверещал Ежик.

– Ай-яй-яй! – во все горло закричал Медвежонок и прыгнул с обрыва снова.

Так до самого вечера они бегали, прыгали, сигали с обрыва и орали во все горло, оттеняя неподвижность и тишину осеннего леса.

В РОДНОМ ЛЕСУ

Заяц утром как вышел из дома, так и потерялся в необъятной красоте осеннего леса.

«Давно уже пора снегу пасть, – думал Заяц. – А лес стоит теплый и живой». Встретилась Зайцу Лесная Мышь.

– Гуляешь? – сказал Заяц.

– Дышу, – сказала Мышка. – Надышаться не могу.

– Может, зима про нас забыла? – спросил Заяц. – Ко всем пришла, а в лес не заглянула.

– Наверно, – сказала Мышка и пошевелила усиками.

– Я вот как думаю, – сказал Заяц. – Если ее до сих пор нет, значит, уже не заглянет.

– Что ты! – сказала Мышка. – Так не бывает! Не было еще такого, чтобы зима прошла стороной.

– А если не придет?

– Что говорить об этом, Заяц? Бегай, дыши, прыгай, пока лапы прыгают, и ни о чем не думай.

– Я так не умею, – сказал Заяц. – Я все должен знать наперед.

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Зайцы не состариваются, – сказал Заяц. – Зайцы умирают молодыми.

– Это почему же?

– Мы бежим, понимаешь? А движение – это жизнь.
– Хи-хи! – сказала Мышка. – Еще каким стареньким будешь.

Они вместе шли по тропинке и не могли налюбоваться на свой лес.

Он был весь сквозящий, мягкий, родной. И оттого, что в нем было так хорошо, на душе у Зайца и Мышки сделалось грустно.

– Ты не грусти, – сказал Заяц.

– Я не грущу.

– Грустишь, я вижу.

– Да вовсе не грущу, просто печально.

– Это пройдет, – сказал Заяц. – Насыплет снега, надо будет путать следы. С утра до вечера бегай и запутывай.

– А зачем?

– Глупая ты. Съедят.

– А ты бегай задом наперед, – сказала Мышка. – Вот так! – И побежала по дорожке спиной вперед, мордочкой к Зайцу.

– Здорово! – крикнул Заяц. И помчался следом.

– Видишь? – сказала Мышка. – Теперь никто не поймет, кто ты.

– А я... А я... Я знаешь тебя чему научу? Я тебя научу есть кору, хочешь?

– Я кору не ем, – сказала Мышка.

– Тогда... Тогда... Давай я тебя научу бегать!

– Не надо, – сказала Мышка.

– Да чем же мне тебе отплатить?

– А ничем, – сказала Лесная Мышь. – Было бы хорошо, если бы тебе помог мой совет.

– Спасибо тебе! – сказал Заяц. И побежал от Мышки задом наперед, улыбаясь и шевеля усами.

«Здорово! – думал Заяц. – Теперь меня никто не поймает. Надо только хорошенько натренироваться, пока не выпал снег».

Он бежал задом наперед через любимый свой лес, спускался в овраги, взбирался на холмы, «получается!» – вопил про себя Заяц и чуть не плакал от радости, что теперь уже никто никогда не отыщет его в родном лесу.

СОСНОВАЯ ШИШКА

Светлый вечер в осеннем лесу. Затрещала и смолкла неизвестная птица. Заяц выбежал к ручью, сел и стал слушать, как журчит вода.

– Вода, вода, куда ты бежишь? – спросил Заяц.

– С камушка на камушек по камушкам бегу! «По камушкам. Хорошо ей! – подумал Заяц. – Вот бы мне так!» Пришел Муравей.

– Ты что бродишь? – спросил Заяц. – Скоро зима, а ты по лесу шатаешься?

– Надо, – сказал Муравей. Зачерпнул ведерком воды и пошел.

– Стой! Давай поговорим, – сказал Заяц. Муравей остановился:

– О чем?

– О чем хочешь.

– Некогда мне разговаривать, – сказал Муравей. – Воду надо нести. – И ушел.

– Вот жизнь! – вздохнул Заяц. – Муравьи по воду ходить стали, поговорить не с кем. Раньше хоть какой-нибудь гриб попадется, с ним потолкуешь. А теперь и грибы куда-то попрятались.

– А ты со мной поговори, – сказала Сосновая Шишка. Она лежала рядышком у ручья. – Я – старая, много

всего видела.

– Что же ты видела? – спросил Заяц.

– Небо, – сказала Шишка.

– Кто ж его не видел? Вот оно!

– Не-ет, я там была, высоко, – вздохнула Шишка. –

Меня Ветер любил. Прилетит, бывало: «Здравствуй, Шишка!» – «Здравствуй, говорю, где пропадал?»

– «К морю летал, корабли двигал». Во как! А ты чего скучный такой?

– Не знаю, – сказал Заяц.

– Эх, жизнь была! Утречком проснешься – весь лес в тени, а у нас уже солнышко! Солнышко пригреет.

Ветер прилетит – шумим-веселимся!.. А ночью – звезды. Так в глаза и глядят. Я любила одну.

Зеленая такая, ласковая. Только покажется, а уж Ветерок мой тут как тут. «Полетим, говорит, к звезде, Шишка!» – «Так далеко же!» – «Это нам нипочем!» Возьмет в объятия и понесет.

– Хорошо говоришь, бабушка, – вздохнул Заяц.

– Жили хорошо, Заяц. А что слова? Сам-то чего скучный, молодой вить?

– А где ж он теперь, Ветер?

– Летает. Ветер, он всегда молодой. А я, вишь, старая, упала. Кому нужна?

– Грустно тебе, бабушка?

– Не-е, Заяц. Лежу, на небо гляжу, водичку слушаю, звездочку зеленую увижу – Ветер вспоминаю.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ ТРАВЫ

Холодно, тихо стало в лесу. Заяц прислушался – ни звука. Лишь осинка на том берегу дрожала последним листом.

Заяц спустился к реке. Река медленно вводила за поворот тяжелую, темную воду. Заяц встал столбиком и пошевелил ушами.

– Холодно? – спросила у него Травинка.

– Бр-р-р! – сказал Заяц.

– Мне тоже, – сказала Травинка.

– И мне! И мне!

– Кто говорит? – спросил Заяц.

– Это мы – трава. Заяц лег.

– Ой, как тепло! Как тепло! Как тепло!

– Погрей нас! И нас! И нас! Заяц стал прыгать и ложиться. Прыгнет – и прильнет к земле.

– Эй, Заяц! – крикнул с холма Медвежонок. – Ты что это делаешь?

– Грею траву, – сказал Заяц.

– Не слышу!

– Грею траву! – крикнул Заяц. – Иди сюда, будем греть вместе! Медвежонок спустился с холма.

– Согрей нас! Согрей! Согрей! – кричали травинки.

– Видишь? – сказал Заяц. – Им холодно! – Снова

прыгнул и лег.

– К нам! К нам!

– Сюда! Сюда! – кричали со всех сторон.

– Что ж ты стоишь? – сказал Заяц. – Ложись! И Медвежонок лег.

– Как тепло! Ух, как тепло!

– И меня погрей, Медвежонок!

– И нас! И нас!

Заяц прыгал и ложился. А Медвежонок стал потихоньку перекатываться: со спины – на бок, с бока – на живот.

– Согрей! Согрей! Нам холодно! – кричала трава. Медвежонок катался. Заяц прыгал, и скоро согрелся весь луг.

– Хотите, мы споем вам осеннюю песню травы? – спросила первая травинка.

– Пойте, – сказал Заяц.

И трава стала петь. Медвежонок кататься, а Заяц – прыгать.

– Эй! Что вы там делаете? – крикнул с холма Ежик.

– Греем траву! – крикнул Заяц.

–Что?

– Греем траву! – крикнул Медвежонок.

– Вы простудитесь! – закричал Ежик. А травинки поднялись во весь рост и запели громкими голосами.

Пел весь луг над рекой.

И последний лист, что трепетал на том берегу, стал

подтягивать.

И сосновые иголки, и еловые шишки, и даже паутина, забытая пауком, – все распрямились, заулыбались и затагнули изо всех сил последнюю осеннюю песню травы.

РАДУГА

Медвежонок прижался спиной к печке. Ему было тепло-тепло и не хотелось шевелиться.

За окном свистел ветер, шумели деревья, барабанил по стеклу дождь, а Медвежонок сидел с закрытыми глазами и думал о лете.

Сначала Медвежонок думал обо всем сразу, и это «все сразу» было для него солнышко и тепло. Но потом под ярким летним солнышком, в тепле, Медвежонок увидел Муравья.

Муравей сидел на пеньке, выпучив черные глаза, и что-то говорил, говорил, но Медвежонок не слышал.

– Да слышишь ты меня? – наконец прорвался к Медвежонку Муравьиный голос. – Работать надо каждый день, каждый день, каждый день!

Медвежонок помотал головой, но Муравей не пропадал, а кричал еще громче.

– Лень, вот что тебя погубит! «Чего он ко мне пристал? – подумал Медвежонок. – Я и не помню такого Муравья вовсе».

– Совсем обленились! – кричал Муравей. – Чем вы занимаетесь изо дня в день? Отвечай!

– Гуляем, – вслух сказал Медвежонок у печки. – Так лето же.

- Лето! – взвился Муравей. – А кто работать будет?
- Мы и работаем.
- Что же вы сделали?
- Мало ли, – сказал Медвежонок. И еще тесней прижался к печному боку.
- Нет, ты мне говори – что?
- Скворечник.
- Еще?
- Камелек сложили.
- Где?
- У реки.
- Зачем?
- По вечерам сидеть. Огонь разведешь – и сиди. И Медвежонку представилось, как они с Ежиком сидят ночью под звездами у реки, варят чай в чайнике, слушают, как плещется рыба в воде, и чайник сперва урчит, а потом клокочет, и звезды падают прямо в траву и, большие, теплые, шевелятся у ног. И так Медвежонку захотелось в ту летнюю ночь, так захотелось полежать в мягкой траве, глядя в небо, что Медвежонок сказал Муравью:
 - Иди сюда, садись у печки, а я пойду туда, в лето.
 - А соломинку ты за меня понесешь? – спросил Муравей.
 - Я, – сказал Медвежонок.
 - А шесть сосновых иголок?
 - Я, – сказал Медвежонок.

– А две шишки и четыре птичьих пера?
– Все отнесу, – сказал Медвежонок. – Только иди сюда, сядь к печке, а?
– Нет, ты погоди, – сказал Муравей. – Трудиться – обязанность каждого.
– Он поднял лапку. – Каждый день...
– Стой! – крикнул Медвежонок. – Слушай мою команду: к печке бегом, марш!
И Муравей выбежал из лета и сел к печке, а Медвежонок еле-еле протиснулся на его место.
Теперь Медвежонок сидел на пеньке летом, а Муравей поздней осенью у печки в Медвежьем доме.
– Ты посиди, – сказал Медвежонок Муравью, – а придет Ежик, напои его чаем.
И Медвежонок побежал по мягкой теплой траве, и забежал в реку, и стал брызгаться водой, и, если поглядеть прищурившись, в брызгах возникала каждый раз настоящая радуга, и каждый раз Медвежонку не верилось, и каждый раз Медвежонок видел ее снова.
– Эй! – крикнул Муравей в лето. – А кто обещал работать?
– погоди! – сказал Медвежонок. И снова стал, щурясь, брызгаться и ловить сквозь ресницы радугу.
– Обязанность каждого – трудиться, – говорил Муравей, прижавшись к горячей печке. – Каждый день...
«Заладил, – подумал Медвежонок. – Ну как он не понимает, что это – лето, что оно – короткое, что оно вот-

вот кончится и что каждый раз у меня в лапах сверкает радуга"».

– Муравей! – крикнул из своего лета Медвежонок. – Не бубни! Разве я не работаю? Разве я отдыхаю?

И он снова ударил по воде лапой, прищурился и увидел радугу.

ЕЖИКИНА ГОРА

Давно уже Ежик не видел такого большого неба. Давно уже не было такого, чтобы он вот так останавливался и замирал. И если кто у него спрашивал, зачем он останавливается, отчего замирает. Ежик все равно бы ни за что не смог ответить.

– Ты куда глядишь, Ежик? – спросила Белка.

– А, – сказал Ежик. И махнул лапой.

– Ты что там увидел? – спросил Муравей.

– Молчит, – сказала Белка.

– Задумался, – проворчал Муравей и побежал по своим делам.

А Ежику вдруг показалось, что он впервые увидел этот лес, этот холм, эту поляну.

Что никогда-никогда до этого ничего подобного он не видал.

«Как же так? – думал Ежик. – Ведь я столько раз бежал по этой тропинке, столько раз стоял на этом холме».

И деревья были такие необыкновенные – легкие, сквозящие, будто сиреневые, и полны такой внутренней тишиной и покоем, что Ежик не узнавал знакомые с детства места.

– Что же это? – бормотал Ежик. – раньше не видел

всего?

И птицы, те немногие птицы, что остались в лесу, казались теперь Ежику необыкновенными.

«Это не Ворона, это какой-то Орел кружит над лесом, – думал Ежик. – Никогда не видел такой огромной птицы».

– Все стоишь? – спросил Муравей. – Я уже вон какую соломинку оттащил, а он все стоит.

– Не мешай ему, – сказала Белка. – Он думает.

– Думает, думает, – проворчал Муравей. – Что бы стало в лесу, если бы все думали.

– Подумает, и все, – сказала Белка. – Не мешай.

– Все вы бездельники, – сказал Муравей. – Все вы друг за дружку горой.

– И убежал.

А Ежик про себя поблагодарил Белку, потому что он слышал разговор где-то далеко-далеко, будто говорили на облаках, а он – на дне моря.

«Какая она добрая, – подумал о Белке Ежик. – Почему я раньше никогда ее не встречал?»

Пришел Медвежонок.

– Ну что? – сказал он. – Что делать будем?

Ежик смотрел на лес, на холм, на Ворону, кружащую за рекой, и вдруг понял, что ему так не хочется отвечать, так не хочется спускаться со своей горы... И он стал благодарно думать о том, по чьей доброте на этой горе оказался.

ПТИЦА

Все лето Заяц плел веревку, и к осени она у него стала длинной до неба.

«Приделаю крючок, – думал Заяц, – заброшу на звезду и...»

Прибежала Белка:

– Ты что делаешь, Заяц?

– Вережку сплел, – сказал Заяц.

– А зачем?

– Залезу на небо, – сказал Заяц.. – Хочешь, тебя возьму с собой?

– Возьми, – сказала Белка. Ночью высыпали звезды.

Заяц забросил крючок на самую большую звезду, и веревка тонкой паутинкой протянулась от земли до неба.

– Лезь, – сказал Заяц.

– А ты?

– Я за тобой.

И Белка побежала на небо.

Заяц полез следом, но он не умел лазать по веревке, и поэтому сильно отстал.

– Ты где? Лезь скорее! – кричала Белка из темноты. А Заяц лез и лез и уже стал уставать.

– Где же ты? – торопила Белка. Она давно забра-

лась на звезду и ждала Зайца. А Заяц раскачивался посередине, между небом и землей, и у него не было больше сил ни лезть вверх, ни спуститься на землю.

– Ну что ты там? – спросила из темноты Белка.

– Сил нет. Не могу, – сказал Заяц.

– Ты – как по веточке, как по веточке, – сказала Белка.

Заяц раскачивался во тьме, уши его трепал ночной ветерок, он видел далеко внизу родной лес, а вверх – большую звезду и понимал, что сейчас разожмет лапы и упадет.

«Все лето плел веревку, – горестно думал Заяц, – и вот...»

– Эй! – вдруг услышал он знакомый голос с земли. – Кто там висит? И другой знакомый голос ответил:

– Далеко. Не видно.

– Как ты думаешь, Ежик, кто там может быть?

– Птица, – сказал Ежик.

– Какая же птица висит посреди неба? «Редкая», – хотел сказать Заяц. Но промолчал.

– Это Заяц! – крикнула со звезды Белка. – Полез на небо и вот застрял.

– Медвежонок, его надо спасать!

– Спасите меня, – тихо сказал Заяц.

– С каких это пор Зайцы стали лазать по небу? – проворчал Медвежонок и дернул за веревку.

– Ой, – тихо сказал Заяц.

– Как будем спасать? – спросил Ежик.
– Сейчас, – сказал Медвежонок. И убежал.
– Заяц! – крикнул Ежик. – Это ты?
– Я, – тихо сказал Заяц.
– Не слышу!
– Я, – погромче сказал Заяц, потому что, если бы он крикнул совсем громко, он бы упал.
– Это он, он! – крикнула со звезды Белка.
– Держись, Заяц! – крикнул Ежик. – Медвежонок что-то придумал! И тут вернулся Медвежонок с простыней.
– Держи, – сказал он. И дал два конца Ежику. – Заяц! – закричал в темноту Медвежонок. – Прямо под тобой мы растянули простыню, слышишь? Прыгай!
– Я боюсь, – сказал Заяц.
– Он боится! – крикнула Белка. Ей со звезды было слышнее.
– Прыгай, кому говорят! – еще громче крикнул Медвежонок, и, откинувшись назад, они с Ежиком, как могли, растянули простыню. – Ну!
– Прыгай! – крикнула Белка. Заяц разжал лапы и полетел, полетел, полетел, только черный ночной ветер засвистал между ушами.
«Где ж простыня? Где же земля?» – думал Заяц и не знал, что он, как большая птица с широкими крыльями, летит над землей и уже не может упасть.

ТЕПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ

ВОЛЬНЫЙ ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Ни свет ни заря к Ежику с Медвежонок прибежал Заяц.

- Эй! – закричал он. – Эгей! Эге-ге-гей!
- Ну что? Говори, – сказал Медвежонок.
- Эге-ге-ге-ге! – вопил Заяц.
- Да говори же! – Ежик начал сердиться.
- Эге-ге-ге-ге! Ге-гей! Ге-гей! – И Заяц убежал.
- Чего это он?
- Не знаю, – сказал Медвежонок. А Заяц птицей летел по лесу и вопил истошным заячьим голосом.
- Что с ним? – спросила Белка.
- Понять не могу, – сказал Муравей. А Заяц сделал полный круг и снова выбежал на медвежью поляну.
- Скажешь или нет? – крикнул Медвежонок. Заяц вдруг остановился, замер, встал на задние лапы и...
- Ну же! – крикнул Ежик.
- Ха-ха-ха-ха-ха! – расхохотался Заяц и понесся со всех ног прочь.
- Может, он с ума сошел, с ума сошел, с ума со-

шел? – тараторила Сорока.

– Да нет, он в своем уме, в своем уме, в своем уме! – долбил Дятел.

И только Заяц ни у кого ничего не спрашивал, никому ничего не говорил, а вольный, как ветер, летел по лесу.

– Знаешь, – сказал Медвежонок. – Мне кажется, он вообразил себя... ветром. Он мне как-то сказал:

«Представляешь, Медвежонок, если я стану ветром?»

– Это здорово, – сказал Ежик. – Только Заяц никогда до такого не додумается. И ошибся.

Потому что Заяц в этот легкий солнечный день действительно с утра почувствовал себя вольным осенним ветром, летящим по полям и лесам.

МЫ БУДЕМ ПРИХОДИТЬ И ДЫШАТЬ

Вот уже несколько дней не было солнца. Лес стоял пустой, тихий. Даже вороны не летали, – вот какой был пустой лес.

- Ну все, готовься к зиме, – сказал Медвежонок.
- А где птицы? – спросил Ежик.
- Готовятся. Утепляют гнезда.
- А Белка где?
- Дупло сухим махом выкладывает.
- А Заяц?
- Сидит в норе, дышит. Хочет надышать на всю зиму.
- Вот глупый, – улыбнулся Ежик.
- Я ему сказал: перед зимой не надышишься.
- А он?
- Надышу, говорит. Буду дышать и дышать.
- Айда к нему, может, чем поможем. И они отправились к Зайцу.

Заячья нора была в третьей стороне от горы. С одной стороны – дом Ежика, с другой – дом Медвежонка, а с третьей – нора Зайца.

- Вот, – сказал Медвежонок. – Здесь. Эй, Заяц! – крикнул он.
- А, – глухо донеслось из норы.
- Ты что там делаешь? – спросил Ежик.

– Дышу.
– Много надышал?
– Нет еще. Половиночку.
– Хочешь, мы подышим сверху? – спросил Медвежонок.
– Не получится, – донеслось из норы. – У меня – дверь.
– А ты сделай щелочку, – сказал Ежик.
– Приоткрой чуть-чуть, а мы будем дышать, – сказал Медвежонок.
– Бу-бу-бу, – донеслось из норы.
– Что?
– Сейчас, – сказал Заяц. – Ну, дышите!
Ежик с Медвежоном легли голова к голове и стали дышать.
– Ха!.. Ха!.. – дышал Ежик.
– Ха-а!.. Ха-а!.. – дышал Медвежонок.
– Ну как? – крикнул Ежик.
– Теплеет, – сказал Заяц. – Дышите.
– А теперь? – через минуту спросил Медвежонок.
– Дышать – нечем, – сказал Заяц.
– Выходи к нам! – крикнул Ежик.
– Дверь закрой и вылазь!
Заяц хлопнул дверью и вылез наружу.
– Ну как?
– Как в бане, – сказал Заяц.
– Вот видишь, втроем-то лучше, – сказал Медвежонок.

НОК.

– Мы теперь всю зиму будем к тебе приходиться и дышать, – сказал Ежик.

– А будешь замерзать, приходи ко мне, – сказал Медвежонок.

– Или ко мне, – сказал Ежик.

– Спасибо, – сказал Заяц. – Я обязательно приду. Только вы ко мне не ходите, ладно?

– Да почему?..

– Следы, – сказал Заяц. – Натопчете, и тогда кто-нибудь меня обязательно съест.

ЛИСИЧКА

Это был необыкновенный осенний день! Было столько синевы, столько огненных листьев, столько солнца, что к вечеру Медвежонок заплакал.

– Ты чего это? – спросил Ежик.

– Не знаю, – сказал Медвежонок. – Плакать хочется.

– Да ты посмотри...

– Я видел, – сказал Медвежонок. – Потому и плачу.

– Чего ж здесь плакать? Радоваться надо, – сказал Ежик.

– Я от радости плачу, – сказал Медвежонок.

– Разве от радости плачут?

– Еще бы! – И Медвежонок разрыдался.

– Успокойся, что ты! – Ежик погладил Медвежонка лапой. – Завтра снова будет солнце, и снова будут лететь листья, и улетать птицы.

– Улетать, – всхлипнул Медвежонок. И разревелся еще пуще.

– Но они прилетят, – сказал Ежик. – Они вернуться. Пройдет зима, снег растает, и они вернуться.

– Зима. – Медвежонок горько плакал и весь вздрагивал.

– Ну да, зима. Но она пройдет, и все будет снова.

– Не хочу! Не хочу, слышишь?

– Чего ты не хочешь?

– Чтобы все уходило, улетало! – крикнул Медвежонок.

– Это же ненадолго, – сказал Ежик. – Ты же сам знаешь. А как красиво зимой!

– Зимой я тоже буду плакать.

– Зимой? Да почему?

– Мне будет ее жалко. – И Медвежонок уже так расплакался, что Ежик понял: словами здесь не поможешь.

– Бежим! – крикнул он.

– Куда? – поднял зареванные глаза Медвежонок.

– Бежим, говорю! – И Ежик схватил Медвежонка за лапу и потащил в лес.

– Куда ты меня тащишь?!

Они пробежали мимо старой сломанной березы, перешли по сгнившему мостку ручей, перелезли через срубленную осину и, петляя между горелых пней, поднялись в гору.

– Смотри! – сказал Ежик и показал Медвежонку гриблисичку.

Маленький золотой гриб, поджав коленки, в сумерках сидел во мху.

– Видишь? – сказал Ежик. – У него нет ни папы, ни мамы, ни Ежика, ни Медвежонка, он совсем один – и не плачет.

НЕ СМОТРИ НА МЕНЯ ТАК, ЕЖИК

– Я обязательно, ты слышишь? Я обязательно, – сказал Медвежонок. Ежик кивнул.

– Я обязательно приду к тебе, что бы ни случилось. Я буду возле тебя всегда.

Ежик глядел на Медвежонка тихими глазами и молчал.

– Ну что ты молчишь?

– Я верю, – сказал Ежик.

Ежик провалился в волчью яму и просидел там неделю. Его случайно нашла Белка: она пробежала мимо и услышала слабый Ежикин голос.

Медвежонок неделю искал Ежика по лесу, сбился с ног и, когда к нему прибежала Белка, вытащил Ежика из ямы и принес домой.

Ежик лежал, по самый нос укрытый одеялом, и глядел на Медвежонка тихими глазами.

– Не смотри на меня так, – сказал Медвежонок. – Не могу, когда на меня так смотрят.

Ежик закрыл глаза.

– Ну вот, теперь ты как будто умер. Ежик открыл глаза.

– Улыбнись, – сказал Медвежонок.

Ежик попробовал, но у него слабо получилось.

– Сейчас я тебя буду поить бульоном, – сказал Медвежонок. – Белка принесла свежих грибков, я сварил бульон.

Он налил бульон в чашку и приподнял Ежику голову.

– Нет, не так, – сказал Медвежонок. – Ты садись.

– Не могу, – сказал Ежик.

– Я тебя подушкой подопру. Вот так.

– Мне тяжело, – сказал Ежик.

– Терпи.

Медвежонок прислонил Ежика спиной к стене и подоткнул подушку.

– Мне холодно, – сказал Ежик.

– Сичас-сичас. – Медвежонок взобрался на чердак и обложил Ежика тулупом. – Как ты не замерз? Ночи-то какие холодные! – приговаривал Медвежонок.

– Я прыгал, – сказал Ежик.

– Семь дней?

– Я ночью прыгал.

– Что ж ты ел?

– Ничего, – сказал Ежик. – Ты мне дашь бульону?

– Ах, да! Пей, – сказал Медвежонок.

Ежик сделал несколько глотков и закрыл глаза.

– Пей-пей!

– Устал, – сказал Ежик.

– Нет, пей! – И Медвежонок стал поить Ежика с ложечки.

– Не могу больше.

– За меня!

Ежик хлебнул.

– За Белочку!

Ежик выпил.

– За Зайца! Он знаешь как помогал!

– Погоди, – сказал Ежик. – Передохну.

– Выпей за Зайца, он старался..

Ежик глотнул.

– За Хомячка!

– А Хомячок что сделал?

– Ничего. Каждый день прибегал и спрашивал.

– Пусть подождет. Сил нет, – сказал Ежик.

– Иногда и утром прибегал, – сказал Медвежонок. –

Съешь ложечку.

Ежик проглотил.

– А теперь – за Филина!

– Филин-то при чем?

– Как? Нет, за Филина ты выпьешь три ложки.

– Да почему?

– Да я на нем три ночи летал. Тебя искали.

– На Филине?

– Ну да!

– Врешь, – сказал Ежик.

– Чтоб мне с места не сойти!

– Да как ты на него взобрался?

– Он знаешь какой крепкий? Сел на шею и полетел.

Ты бы видел, как Заяц, нас испугался.

– Как?

– Вот выпей – скажу.

Ежик выпил подряд три ложки и снова закрыл глаза.

– Как? – спросил он.

– Что?

– Как Заяц вас испугался?

– А! Заяц? Представляешь? Я лечу. А тут – он. Давай еще ложечку. Слышишь, как пахнет? Ух!

Ежик выпил.

– Ну вот. Сидит, ушами вертит. Тут мы.

– С Филином?

– Ага. Он ка-ак подскочит, ка-ак побежит! Филин чуть на дерево не налетел. Давай за Филина.

– Нет. Уже совсем не могу, – сказал Ежик. – Давай я лягу.

Медвежонок уложил Ежика на прежнее место и укрыл тулупом.

– Ну как, – спросил Медвежонок, – тепло?

– Угу, – сказал Ежик. – А про Филина придумал? Говори.

– Да что ты? Вот выздоровеешь, вместе полетаем.

– Полетаем, – еле слышно пробормотал Ежик, засыпая.

КАК ЕЖИК С МЕДВЕЖОНКОМ ПРИСНИЛИСЬ ЗАЙЦУ

По первому снегу Заяц прибежал к Медвежонку.

– Медвежонок, ты лучший из всех, кого я знаю, – сказал Заяц.

– А Ежик?

– Ежик тоже хороший, но ты – лучше всех!

– Да что с тобой, Заяц? Ты сядь, успокойся. Чего ты прыгаешь?

– Я сегодня проснулся и понял, – сказал Заяц, – что лучше, тебя нет на свете.

Вошел Ежик.

– Здравствуй, Медвежонок! – сказал он. – Здравствуй, Заяц! Вы чего сидите в доме – на улице снег!

– Я собрался идти к тебе, – сказал Медвежонок. – А тут прибежал он и говорит, что я лучше всех.

– Верно, – сказал Ежик. – А ты разве не знал?

– Правда, он самый лучший? – сказал Заяц.

– Еще бы! – Ежик улыбнулся Медвежонку и сел за стол. – Давайте чай пить! Стали пить чай.

– Вот слушайте, что мне сегодня приснилось, – сказал Заяц. – Будто я остался совсем один в лесу.

Будто никого-никого нет – ни птиц, ни белок, ни зайцев, – никого. «Что же я теперь буду делать?» – поду-

мал я во сне. И пошел по лесу.

А лес – весь в снегу и – никого-никого. Я туда, я сюда, три раза весь лес обежал, ну, ни души, представляете?

– Страшно, – сказал Ежик.

– Ага, – сказал Медвежонок.

– И даже следов нет, – сказал Заяц. – А на небе – вата.

– Как – вата? – спросил Ежик.

– А так – ватное, толстое небо. И глухо. Будто под одеялом.

– Откуда ты знаешь, что глухо? – спросил Медвежонок.

– А я кричал. Крикну и прислушаюсь... Глухо.

– Ну! Ну! – сказал Ежик.

– И тут... И тут...

– Что?

– И тут... Представляете? Из-под старого пня, что на опушке...

– За холмом?

– Нет, у реки. Из-под старого пня, что на опушке у реки, вылез...

– Ну же! – сказал Медвежонок.

– Ты, – сказал Заяц. – Медвежонок!

– Что ж я там делал, под пнем?

– Ты лучше спроси, что ты сделал, когда вылез?

– А что я сделал?

– Ты вылез и так тихонько-тихонько сказал «Не го-

рой, Заяц, все мы – одни». Подошел ко мне, обнял и
ткнулся лбом в мой лоб... И так мне сделалось хоро-
шо, что я – заплакал.

– А я? – спросил Медвежонок.

– И ты, – сказал Заяц. – Стоим и плачем.

– А я? – спросил Ежик.

– А тебя не было, – сказал Заяц. – Больше никого
не было. Представляешь? – Заяц обернулся к Медве-
жонку. – Пустой лес, ватное небо, ни-ко-го, а мы стоим
и плачем.

– Так не бывает, – сказал Ежик. – Я обязательно дол-
жен был появиться.

– Так это же во сне, – сказал Медвежонок.

– Все равно. Просто вы плакали и не заметили, как
я вышел из-за куста. Вышел, стою, вижу – вы плачете;
ну, думаю, плачут, есть, значит, причина, и не стал ме-
шать.

– Не было тебя, – сказал Заяц.

– Нет, был.

– Не было!

– А я говорю – был! – сказал Ежик. – Просто я не
хотел мешать вам плакать.

– Конечно, был, – сказал Медвежонок. – Я его видел
краем глаза.

– А что же мне не сказал? – сказал Заяц.

– А видел, ты потерянный. Сперва, думаю, успокою,
а уж потом скажу. И потом – чего говорить-то? Ежик, он

ведь всегда со мной.

– А по-моему, мы все-таки были одни, – сказал Заяц.

– Тебе показалось, – сказал Ежик.

– Примерещилось, – сказал Медвежонок.

– А если так, что у меня с собой было?

– А у тебя с собой что-нибудь было?

– Ага.

– Мешочек, – сказал Ежик.

– С морковкой, – сказал Медвежонок.

– Правильно! – сказал Заяц. – Вы знаете, кто вы для меня? Вы для меня самые-самые лучшие из всех, кто есть на земле!

ВОРОН

Посыпал мелкий снежок, потом прекратился, лишь ветер слабо раскачивал верхушки деревьев.

Трава, неопавшие листья, ветви – все поблекло, пожелтело от холода.

Но лес стоял еще большой, красивый, только пустой и печальный.

Ворон сидел на суку и думал свою старинную думу. «Опять зима, – думал Ворон. – Опять снегом все заметет, завьюжит; елки заиндевеют; ветки берез станут хрупкими от мороза. Вспыхнет солнце, но ненадолго, неярко, и в ранних зимних сумерках будем летать только мы, вороны.

Летать и каркать».

Надвинулись сумерки.

«Полетаю», – подумал Ворон. И неожиданно легко соскользнул с насиженного места.

Он летел почти не двигая крыльями, чуть заметным движением плеча выбирая дорогу между деревьев.

«Никого, – вздыхал Ворон. – Куда они все попрятались? « И действительно, лес был пуст и сир.

– Сер-р-р! – вслух сказал Ворон. Он опустился на старый пень посреди поляны и медленно повернул голову с синими глазами.

– Ворона, – сказал Ежику Медвежонок.

– Где?

– Вон на пне.

Они сидели под большой елкой и глядели, как лес заливают серые сумерки.

– Пойдем с ней поразговариваем, – сказал Ежик.

– А что ты ей скажешь?

– А ничего. Позову чай пить. Скажу: «Скоро стемнеет. Пойдемте, Ворона, чай пить».

– Идем, – сказал Медвежонок. Они вылезли из-под елки и подошли к Ворону.

– Скоро стемнеет, – сказал Ежик. – Ворона, идемте чай пить.

– Я Вор-р-рон, – медленно, хрипло сказал Ворон. – Я чая не пью.

– А у нас – малиновое варенье, – сказал Медвежонок.

– И грибки!

Ворон смотрел на Ежика с Медвежонком старинными, каменными глазами и думал: «Э-хэ-хэх!..»

– Я чая не пью, – сказал он.

– Медом угощу, – сказал Медвежонок.

– А у нас и брусника, и клюковка, – сказал Ежик. Ворон ничего не сказал.

Он тяжело взмахнул крыльями и поплыл над поляной. В густых сумерках с распростертыми крыльями он казался таким огромным, что Ежик с Медвежонком да-

же присели.

– Вот это птица! – сказал Медвежонок. – Будет она с тобой чай пить!

– Это он, Ворон, – сказал Ежик.

– Все равно птица. «Позовем, позовем!» – передразнил он Ежика. – Позвали.

– Ну и что? – сказал Ежик. – Он привыкнет. Представляешь, все один и один. А в следующий раз – обязательно согласится...

Уже почти в темноте Ворон летел над полем, видел какие-то далекие огоньки и почти ни о чем не думал, только широко и сильно подымал и опускал крылья.

ЕСЛИ МЕНЯ СОВСЕМ НЕТ

Еще совсем немного – и загорятся звезды, и выплывет месяц и поплывет, покачиваясь, над тихими осенними полями. Потом месяц заглянет в лес, постоит немного, зацепившись за верхушку самой высокой елки, и тут его увидят Ежик с Медвежонок.

– Гляди, – скажет Ежик.

– Угу, – скажет Медвежонок. А месяц подымется еще выше и зальет своим холодным, тусклым светом всю землю.

Так было каждый вечер в эту ясную холодную осень. И каждый вечер Ежик с Медвежонок собирались то у Ежика, то у Медвежонка и о чем-нибудь говорили. Вот и сегодня Ежик сказал Медвежонку:

– Как все-таки хорошо, что мы друг у друга есть! Медвежонок кивнул.

– Ты только представь себе: меня нет, ты сидишь один и поговорить не с кем.

– А ты где?

– А меня нет.

– Так не бывает, – сказал Медвежонок.

– Я тоже так думаю, – сказал Ежик. – Но вдруг вот – меня совсем нет. Ты один.

Ну что ты будешь делать?

- Пойду к тебе.
- Куда?
- Как – куда? Домой. Приду и скажу: «Ну что ж ты не пришел, Ежик?» А ты скажешь...
- Вот глупый! Что же я скажу, если меня нет?
- Если нет дома, значит, ты пошел ко мне. Прибегу домой. А-а, ты здесь! И начну...
- Что?
- Ругать!
- За что?
- Как за что? За то, что не сделал, как договорились.
- А как договорились?
- Откуда я знаю? Но ты должен быть или у меня, или у себя дома.
- Но меня же совсем нет. Понимаешь?
- Так вот же ты сидишь!
- Это я сейчас сижу, а если меня не будет совсем, где я буду?
- Или у меня, или у себя.
- Это, если я есть.
- Ну, да, – сказал Медвежонок.
- А если меня совсем нет?
- Тогда ты сидишь на реке и смотришь на месяц.
- И на реке нет.
- Тогда ты пошел куда-нибудь и еще не вернулся. Я побегу, обшарю весь лес и тебя найду!
- Ты все уже обшарил, – сказал Ежик. – И не нашел.

– Побегу в соседний лес!

– И там нет.

– Переверну все вверх дном, и ты отыщешься!

– Нет меня. Нигде нет.

– Тогда, тогда... Тогда я выбегу в поле, – сказал Медвежонок. – И закричу: «Е-е-е-жи-и-и-к!», и ты услышишь и закричишь: «Медвежоно-о-о-к!..» Вот.

– Нет, – сказал Ежик. – Меня ни капельки нет. Понимаешь?

– Что ты ко мне пристал? – рассердился Медвежонок. – Если тебя нет, то и меня нет. Понял?

– Нет, ты – есть; а вот меня – нет. Медвежонок замолчал и нахмурился.

– Ну, Медвежонок!.. Медвежонок не ответил.

Он глядел, как месяц, поднявшись высоко над лесом, льет на них с Ежиком свой холодный свет.

ТЕПЛЫМ ТИХИМ УТРОМ ПОСРЕДИ ЗИМЫ

«Бывает же – топишь печку, глядишь на огонь и думаешь: вот она какая, большая зима!

И вдруг просыпаешься ночью от непонятного шума. Ветер, думаешь, бушует вьюга, но нет, звук не такой, а далекий какой-то, очень знакомый звук. Что же это?

И засыпаешь снова. А утром выбегаешь на крыльцо – лес в тумане и ни островка снега не видно нигде. Куда же она подевалась, зима?

Тогда сбегаешь с крыльца и видишь... лужу.

Настоящую лужу посреди зимы. И от всех деревьев идет пар. Что же это? А это ночью прошел дождь. Большой, сильный дождь. И смыл снег. И прогнал мороз. И в лесу стало тепло, как бывает только ранней осенью».

Вот как думал Медвежонок тихим теплым утром посреди зимы.

«Что же теперь делать? – думал „Медвежонок. – Топить печку или нет? Щипать на растопку лучинки или не надо? И вообще как это так – опять лето?»

И Медвежонок побежал к Ежику посоветоваться. Ежик ходил вокруг своего дома в глубокой задумчивости.

– Не понимаю, – бормотал Ежик, – как это так – ли-

вень посреди зимы? И тут прибежал Медвежонок.

– Ну что? – еще издали крикнул он.

– Что-что? Печку затопил? – спросил Ежик.

– Нет, – сказал Медвежонок.

– Лучинок нащипал?

– Не-а, – сказал Медвежонок.

– А что же ты делал?

– Думал, – сказал Медвежонок.

– Я тоже.

И они стали ходить вокруг Ежикиного дома и думать вместе.

– Как ты думаешь, – сказал Ежик. – Если прошел дождь и теперь туман, может еще быть мороз?

– Не думаю, – сказал Медвежонок.

– Значит, если мороз быть не может, значит, может быть только тепло.

– Значит, – сказал Медвежонок.

– А чтобы было тепло – должно появиться солнце.

– Должно, – сказал Медвежонок.

– А когда солнышко, хорошо быть на реке.

– Я бы в жизни не догадался, – сказал Медвежонок.

– Тогда давай возьмем и позавтракаем у реки, – предложил Ежик.

– Угу, – сказал Медвежонок.

И они сложили в корзину грибы, мед, чайник, чашки и пошли к реке.

– Куда вы это идете? – спросила Белка.

– К реке, – сказал Ежик. – Завтракать.

– Возьмите меня с собой!

– Айда!

И Белка взяла орешков и чашку и поспешила следом.

– Идем, – сказал Медвежонок.

Выбежал из травы Хомячок.

– А я уж заснул, – сказал он. – А тут – вода! Куда это вы?

– Завтракать, к реке, – сказал Заяц. – Идем с нами!

– У меня еда с собой, – сказал Хомячок и постучал лапой по раздувшемуся мешку за щекой, – только чашки нету, – и пошел следом.

Пришли к реке, развели костер, сели завтракать. Выглянуло солнце. Солнце осветило реку, и тот берег, и завтракающих друзей. Туман растаял.

– Если б не дождь, – щурясь, сказал Хомячок, – так бы и не увиделись до весны.

– Если б не дождь, – сказала Белка, – уж так бы не попрощались.

– Если б не Ежик, – сказал Медвежонок, – никто бы не догадался в такую теплынь позавтракать на реке.

А Ежик, прикрыв глаза, пил чай, слушал тишину, птицу, вдруг тонко и чисто запевшую за рекой, и думал, что, если б не все они, зачем бы понадобилось тепло этому зимнему лесу?